СПЕКТАКЛЬ А. Мамбетова «Абай» начинается с той точки, когда конфликты созрели, страсти накалились. Разъяренные преследователи настигли беглецов. Айдар (Асанали Ашимов) и Ажар (Шолпан Жандарбекова) прижаты к скале. Все. Больше бежать некуда. Сейчас начнется расправа. Я пристально гляжу на Асанали Ашимова. Еще не сказано ни слова, но мы понимаем, что погоня была долгой: Айдар — Ашимов задыхается, силы его на пределе. Он уже не вытирает пот, застилающий глаза. Его руки раскинуты, чтобы защитить Ажар. Этот жест красноречивее слов: Ажар — возлюбленная Айдара, она ему дороже жизни...

Наблюдая Ашимова в этом спектакле, я думала о других его театральных работах. В той сцене, когда поэт Айдар—Ашимов читает страстные стихи о Енлик-Кебек, вспоминается поэт Асан—Ашимов из спектакля по пьесе Калтая Мухамеджанова «На чужбине». Вспоминается не столько по сходству, сколько по контрасту: они разные, эти два поэта — по мироощущению, душевному самоощущению. Айдар Ашимов — герой лирический, Асан — трагедийный. Асан расправляется сам с собой за свои заблуждения выстрелом. Айдар, спасенный Абаем и соединенный с Ажар, орав в день свадьбы. В драматических сценах предсмертной агонии Айдара — Ашимова, я вспоминала Дон Жуана — Ашимова из спектакля по пьесе Фриша «Дон Жуан, или любовь к геометрии», где актер поразил нас дерзкой эксцентрикой, совершенным умением управлять своим телом, использовать свои внешние данные, то, что «от бога».

Собравшись писать о заслуженном артисте Казахской ССР Ашимове, я пошла, конечно, не в первый раз, на «Абая». Восемь лет назад именно в этом спектакле по пьесе М. Ауэзова и Л. Соболева Асанали дебютировал на сцене Казахского академического театра драмы имени Мухтара Ауэзова. Роль Айдара—его первая театральная работа. Окончив в 1961 году театральный факультет Казахского института искусств имени Курмангазы, Ашимов три года был киноактером, только киноактером. Он снимался в четырнадцать фильмах. А театр...

— Настоящего актера делает театр, — уверенно сказал Асанали. — Это не мои слова. Я много раз слышал их от Шакена Кенжетавича Айманова. Теперь каждодневно постигаю их смысл, выходя на сцену. Театр — школа, которую никогда нельзя закончить. Можно только получить справку: проходил обучение с такого-то года по такой-то...

У театральных режиссеров есть, я знаю, порою глубоко запрятое предубеждение против киноактеров. Азербайжан Мадиевич Мамбетов решительно взял меня за руку и привел в театр. Репетиции в театре не так уж отличаются от кино-съемок в павильоне. Разве что нет ослепляющих «юпитеров», бесконечных дублей. Атмосфера более спокойная, более интимная: полу-

мрак пустого зрительного зала... И вот первый спектакль... Для меня, киноактера, это было потрясением. Как бы объяснить... Я очень люблю купаться в ледяной воде. Заходишь — дух захватывает. Выскочишь на берег — тело горит, сердце колотится: вроде бы заново родился. И опять неодолимо тянет туда, в ледяную воду...

Так и здесь: «на очную ставку» со зрителем меня тянет неодолимо. Оказывается, мне совершенно необходимы глаза, следящие за мной зорко, заинтересованно. Оказыва-

актерского факультета, учеником Токпанова. А через год Аскар-ага выгнал меня из института. Да... Кто только не просил меня «помиловать» — не помогло.

А произошло вот что: на первом курсе меня пригласили сниматься в кино. Я, конечно, едва не захлебнулся от радости — у «юпитеров» всем известная способность ослеплять; притягивать, завораживать. Летом я уехал на съемки в Восточный Казахстан. Работа. Горячка. Съемки закончились в конце ноября. В Алма-Ате я узнал, что студент

атре. На репетициях да, кажется, потом и на сцене вдруг обнаружилось, что я был не таким уж плохим, но таким уж неблагоприятным учеником Аскара Токпановича Токпанова. Не совсем зря тратил он на меня свое время, свою мудрость, свою убежденность в великой непогрешимости художественной системы Станиславского. Я понял, Аскар-ага, что эта система не «изобретение», а открытие истины, которая извлечена из органической актерской природы. Недавно у меня была встреча со студентами Ка-

она мне не мешает. Действительно, обо мне в этом году написано много добрых слов. Очень уж хочется верить, что так оно и есть, как пишут. Во всяком случае буду стараться, чтобы так оно и было. Когда студенты из Дагестана присудили мне первый приз своего кинофестиваля, я был счастлив. Письма зрителей, признание зрителей — это приятно. Это подымает творческий тонус.

— Все-таки слава кино громче, чем слава театра?

— И громче, и ярче, и шире, — кивнул Асанали. — И... непостояннее. Вчера кинозрители писали мне. Сегодня другому. Завтра забудут адресаты сегодняшние. Все-таки это редчайший случай, когда все поколение зрителей «пишет» Чапаеву... В кино, что сделано, то сделано. В театре всегда есть возможность в одной и той же роли искать и... находить новые, наиболее точные тропы к сердцу зрителей. И по этим тропам нести свои мысли и чувства...

Моя мечта, актерская и человеческая, стать для кого-то в жизни тем, чем стали для меня Аскар-ага, Шакен-ага, Азербайжан Мадиевич. Я уверен: в жизни каждого человека бывает такой момент, когда он нуждается, чтобы кто-то взял его за руку и помог сделать решительный шаг, необходимый выбор.

Сейчас я с увлечением готовлю роль рыбака Елимана из пьесы «Кровь и пот», сделанной по трилогии Абдижамила Нурпеисова. Елиман — человек крупный, сложный, во многом сам себе непонятный. И время, в которое он живет, смутное, тревожное, для многих еще непонятное: в канун Великого Октября Елиман, вернувшись с каторги, попадает в поселок Челкар, там сблизается с рабочими депо, русскими коммунистами. Они протягивают ему руку.

...В дни работы над статьей я никак не могла найти Асанали Ашимова для обстоятельной, неспешной беседы.

— Папы нет дома, — грустно сообщил десятилетний человек. И выдохнул восхищенно, с нескрываемой завистью: «Улетел на вертолете».

— Я только что вернулся. На один день, — говорил по телефону «пойманный» Ашимов. — Столько ползал по барханам, что до сих пор песок на зубах. Давайте встретимся через неделю. Сегодня сын меня ни за что не отпустит...

Потом Асанали дал чистосердечные «показания» о своих детективных странствиях: «Снимаюсь в телевизионном фильме «Трое». Прочитал сценарий Белянинова — интересно! А раз интересно...».

Я не задала вопроса о главном событии юбилейного года в жизни Асанали, потому что знаю это событие: 20 февраля коммунисты партийной организации Казахского академического театра драмы имени Мухтара Ауэзова приняли Асанали Ашимова кандидатом в члены КПСС...

В. МАРИЧЕВА,
соб. корр. «Советской культуры».
АЛМА-АТА.

МИР ХУДОЖНИКА

ЖАЖДА ПЕРЕСТУПИТЬ ПРЕДЕЛЫ

ется, мне совершенно необходимо убеждаться из вечера в вечер, что меня ждут, слушают, понимают. Три года я был этого лишен. И если бы меня не взяли за руку... Натура у меня что ли такая. В какой-то момент надо, чтобы крепко взяли за руку. И в артисты я так попал.

...Асанали Ашимов из глухого аула Джаильма мечтал стать агрономом, чтобы возделывать землю. Как и отец, которого он никогда не видел: Асанали было три года, когда матери принесли похоронную. Юноша поступил в Алма-Атинский сельскохозяйственный институт, на агрофак.

Друг его Раимбек Сейтметов поступил в Институт имени Курмангазы, на актерский факультет. Асанали жил на квартире у знакомых Раимбека, связанных с миром искусства. Однажды после вступительных экзаменов собрались там гости: артисты, режиссеры, музыканты. Они вели свои разговоры. Асанали не вмешивался, бегал на кухню погреть чай, уносил тарелки, пиалушки. Быстро бегал, чтобы поскорей вернуться к столу, не пропустить ни слова из необычной беседы. Среди гостей был преподаватель актерского факультета Аскар Токпанович Токпанов. Аскар-ага. О нем лучше рассказать словами Асанали:

— Аскар-ага — фигура ярко незаурядная. Он первый профессиональный режиссер-казах, воспитанник Студии МХАТа той поры, когда ею руководил знаменитый Сахановский, когда в студию еще приходили ставшие сегодня легендой Станиславский и Немирович-Данченко. И внешность у Аскара Токпановича незаурядная — этаким суровый, неприступный мудрец, убеленный сединами. В тот вечер после моего очередного забега на кухню этот мудрец поманил меня пальцем и строго сказал, что мое место не в сельскохозяйственном институте, а в институте искусств, на актерском факультете.

На другой день Аскар-ага сам пошел в мой институт, с ректором у него, говорят, был крупный разговор, громкий — у Аскара Токпановича сильный, хорошо поставленный голос. Так я стал студентом

Асанали Ашимов два месяца, как отчислен из института.

Стать опять студентом актерского факультета мне удалось только через два года. Аскар-ага неумолимо казнил меня своим нерасположением, прямо-таки пренебрежением. Да... Мне надо делать дипломную работу, а он мне роль не дает. Потом все-таки сунул две крохотные: безымянный Старик в пьесе «Кирагоз» и один выход в «Двух веронцах»... Я, что и говорить, вывернулся наизнанку. За дипломные работы на нашем курсе было две пятёрки. Одна — моя! И главное, суровый мудрец опять подобрел ко мне, не простил — подобрел. Потому опять рассердился. Он велел мне идти в театр, а меня, теперь официально, по распределению, взяли на киностудию.

Те первые фильмы, в которых снимался Асанали Ашимов, нельзя назвать удачей.

— Да, их сценарии не назовешь шедеврами кинодраматургии, — согласился Асанали. — Да и сам я тоже... Я лучше других помню свои первые работы — похвастать особо нечем. Но я благодарен судьбе за то, что попал на студию в ту пору, когда там работал Шакен Кенжетавич Айманов, народный артист АССР, лауреат Государственной премии. Я перечисляю эти звания для того, чтобы подчеркнуть, что Шакен-ага всегда был прежде всего артистом, воистину народным. На площадке, где снимался его фильм, всегда толпились зрители — актеры, технические работники. Зрители режиссера-актера Айманова. Наблюдать за ним, слышать его невероятно интересно и полезно: жест, мимика, интонация. Я всегда по его интонации узнавал, удался или не удался дубль. На киностудии Шакен-ага работал самоотверженно. С театром расставался тяжело. Я никогда не забуду его в роли Отелло. Конечно, никогда не забуду последний, прощальный спектакль «Укрощение строптивой» с Аймановым—Петруччио. И Шакен-ага Кенжетавича после этого спектакля, такого грустного, такого потерянного на фоне праздника, устроенного в его честь...

Но вернуться к своей работе в те-

заского института искусств. Я посоветовал им: «Кто мечтает стать настоящим актером, старайтесь попасть к Аскару Токпановичу».

Меня часто спрашивают про самую любимую роль в театре. А у меня тут нет ни одной нелюбимой. Айдар — любимая. Дон Жуан — любимая. Очень! Она переломная в моей актерской биографии — резкий переход от героя лирического к характерности, эксцентрике. В этой работе Азербайжан Мадиевич дал мне полную свободу: дерзай, выдумывай, пробуй. Как-то я услышал, что-де Азербайжан Мамбетов талантливый, блистательный режиссер, но... плохой педагог. Помоему тут одно с другим не вяжется. По-моему, талант—всегда учитель. Талант создает вокруг себя талантливую атмосферу, в которой проклевываются почки всех дарований. Когда Мамбетов взволнован, ярко делает спектакль, для него ярко пишут музыку, с удовольствием шьют костюмы, творят декорации, и актеры играют вдохновенно.

Для меня спектакль «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» — пиршество лицедейства. Такой настрой, такой разбег дан был режиссером. Я сожалею, очень сожалею, что мне не удалось сыграть Козы-Корпеша в пьесе Мусрепова «Козы-Корпеш и Баян-Слу», поставленной Мамбетовым. В старой постановке, «бытовой», я был Козы-Корпешем. В новой — филигранно вылепленной, поэтической — Кодар. Того гляди предложат роль старого Карабая. Идут годы. Страшно замешкаться, отстать, не успеть. Многие еще хотелось бы сделать и в театре, и в кино. Как бы умудриться и переступить предел своих предначертанных возможностей, актерских и человеческих? Дерзко? Конечно. Но если бы!..

Я спросила Асанали, как на него подействовала слава, пришедшая к нему после последнего, к нашей общей боли, фильма Шакена Айманова «Конец атамана». Ашимов играет в нем главную роль чекиста Чадьярова.

— Слава? — улыбнулся Асанали. — Если то, что есть, — слава, то...